

АНГЛИЙСКИЙ РОМАНЪ.

=

Уймись, волненія страсти,

Засни, безнадежное сердце,

Я плачу, я стражду,

Душа истомилась въ разлукъ...

Я плачу, я стражду!

Не выплакать горя въ слезахъ...

Напрасно надежда

Мнѣ счастье гадасть;

Не вѣрю, не вѣрю

Обътамъ коварнымъ:

Разлука уноситъ любовь...

Какъ сонъ неотступный и грозный,

Соперникъ мнѣ снится счастливый,

И тайно, и злобно,

колыши ихъ основателей оттого, что небыло еще родового купечества, и личное, зависящее отъ удачи въ торгъ, лишило нашихъ богатыхъ купцовъ смѣлости не только къ обширнымъ предпріятіямъ, оживляющимъ Европейскую коммерцію, но даже къ оставленію дѣтей своихъ въ непрочномъ торговомъ бытіи; и наконецъ до великаго и святаго дѣла, достойнаго самаго и одного Петра Великаго: Унія, отторгнутая обольщеніемъ, насильствіемъ и даже мучительствомъ болѣе 1,000,000 вѣрныхъ сыновъ нашей православной Церкви, безъ пролитія одной капли человеческой крови, безъ малѣйшаго насильствія чьей-либо совѣсти, уже не существовать на русской землѣ.

Нѣтъ! 6,000,000 а не 1,000,000 и не 1,000,000

Кипящая ревность пылаетъ

И тайно и злобно

Оружія ищетъ рука

Минуетъ печальное время,

Мы снова обнимемъ другъ друга.

И страстно и жарко

Забьется воскресшее сердце,

И страстно и жарко

Съ устами сольются уста.

Напрасно измѣну

Мнѣ ревность гадаетъ ;

Не вѣрю, не вѣрю

Коварнымъ наветамъ !

Я счастливъ ! Ты снова моя !

И все улыбнулось въ природѣ ;

Какъ солнце, душа просіяла ;

Блаженство, восторги

Воскресли въ измученномъ сердцѣ !

Я счастливъ ; ты снова моя !

Н. Кукольникъ.

Августъ 1838.

НЕГОДОВАНИЕ.

Когда вхожу я въ залъ, гдѣ тысячи огней
Горятъ приветливо для созванныхъ гостей,
Гдѣ бронза, золото и дорогія ткани,
(Тщеславной прихоти насильственные дани)
Рукой искусною разбросаны; — я тамъ
Не предаюсь моимъ восторгамъ и мечтамъ.
О, нѣтъ! Я на толпу безмолвно негодую,
За Русь, за родину я къ Франціи ревную,
Къ той самой Франціи, которая въ слезахъ
Лобзала нашихъ ногъ побѣдоносный прахъ.
И какъ не ревновать?.... Вотъ я въ гостинной русской,
Но слухъ мой оглушенъ здѣсь рвѣнію Французской:
Родной, пленительный, могучій нашъ языкъ
Отъ этой почести заслуженной отвыкъ.
Онъ изгнанъ, и теперь скиталецъ благородный
Нашелъ себѣ пріютъ на площади народной!
Сгѣсняется мой духъ и гнѣвомъ блещетъ взглядъ....
Когда смотрю на нашъ уродливый нарядъ,
Смѣяться хочется надъ глупостью людскою;
Рабами следуя за модой выписною,
За модой — прихотью лѣнивыхъ богачей,
За выдумкой пустой искусныхъ торгашей,
Мы дѣдовскій нарядъ оставили съ презрѣньемъ,
И чтобъ съ Французами сравняться просвѣщенъемъ
Забыли свой кафтанъ и шапку, и кушакъ;

Надѣли на себя короткій, узкій фракъ;
И чтобы на-равнѣ стать съ вѣтреннымъ народомъ,
Покрой одежды мы мѣняемъ съ каждымъ годомъ.
А гдѣ нашъ парчевой, богатой сарафанъ,
Который стигивалъ красавицъ легкій станъ,
Гдѣ онъ, нарядъ родной, нарядъ національный?
Взгляните вы на домъ, когда на вечеръ балъный
Онъ съѣзжаются: — не Русскія онъ!
И хочется вздохнуть по милой старинѣ!
А пляска? Вы ся не встрѣтите въ гостинной!
Съ очами черными и съ грудью лебединой
Красотка Русская не станетъ средь гостей,
И чуднымъ языкомъ рукъ бѣлыхъ и плечей,
Бестдой ласковой очей краснорѣчивыхъ,
Не развлечетъ она танцоровъ говорливыхъ,
Которые, молча блистающій паркетъ,
Небрежной ловкостью прельщаютъ модный свѣтъ.
И Лядова смычокъ волшебный и свободный,
Нашъ слухъ не радуетъ мелодіей народной:
Здѣсь пѣсни Русская для всякаго чужда,
Здѣсь имя родины не скажемъ безъ стыда;
Своею славою гордиться мы не смѣемъ,
И робко предъ своимъ могуществомъ краснѣемъ!
.....
.....
Пора воспрянуть намъ отъ самовластья модъ!
Будь русскимъ нашъ стальной, могучій нашъ народъ,
Иди своей стезей съ рѣшимостью Спартаца,
И гордо презирай насмѣшки иностранца!

С. П.

И. Третьяковъ.

СЦЕНА

изъ

ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ.

=

АЛЬМА и ДОДА.

Дода (*подходя къ Альмѣ и ласкаясь къ ней.*)

Мой милый другъ!

Альма (*выходя изъ забвенія.*)

Что сладостная Дода?

Дода.

Да на тебя я съ жалобой.....

Альма.

Какой?

Дода.

Зачѣмъ ты, другъ, глубокою тоской

Себя томишь, и вотъ ужъ больше года,

Хилѣешь ты и вянешь въ тишинѣ,

Какъ цвѣтъ полей.... Вѣдь это грустно мнѣ,

И я сама страданьемъ заболѣла...

Альма.

О, добрая и кроткая моя!...

Да, ты права; но виновата-ль я,

Что посреди блестящаго удѣла,

Забывъ его, я вся на высоту
Восторглася въ какую-то мечту,
И чудно въ ней купаю, какъ въ елѣ,
Незримую затворницу свою

До да (простодушно).

А если я отрадную спою
Такъ станешь ты немного веселѣе? . . .

Альма.

Спой, До да, спой! твой голосъ для меня
Плѣнительнѣе, какъ при закатѣ дня
Скользящая надъ зыбью водяною
Живая пѣснь дубравнаго пѣвца;
Онъ такъ свѣжить и радуешь сердца,
И хорошо умѣешь онъ съ душою
Бесѣдовать игрою звонкихъ словъ

До да (взявъ кинноръ).

Такъ слушай же — мой кинноръ ужъ готовъ.

Пѣсня восходовъ.

I.

Твой законъ для меня, какъ питье
Посреди испытательной ночи,
И смиренствуетъ сердце мое,
И навѣрхъ не возносятся очи!

II.

Но, входя въ чудеса бытія,
Недовѣрчивой мыслью разсудка,

Какъ дитя подлѣ матери я,
И душа у меня какъ малютка.

Ш.

И въ замѣну, изъ Божьяго дня
Низлился ко мнѣ провѣщанье:
«Израиль! уповай на меня—
«И тебѣ не солжетъ упованье»

Альма (оживляясь).

Прекрасна пѣснь желательныхъ восходовъ,
Какъ вѣянье проспавшейся весны! . . .
Я вспомнила, что Божіи сыны
Изъ подъ ярма погибельныхъ народовъ,
Гремя ту пѣснь, готовились идти
Къ развалинамъ оставленнаго града,
Чтобы его съ веселіемъ опять
На высоту изъ праха приподнять,
И чтобы вновь предъ-избранные чада
Гордиться имъ по прежнему могли . . .
И что же, другъ? не пышно-ль процвѣли
Надежды тѣ роскошнымъ исполненіемъ?
Не снова ли Ерусалимъ святой
Такъ дружески обнялся съ красотой,
И такъ свѣтло, какъ царскимъ украшеніемъ,
Торжественнымъ величьемъ осыненъ?
Не снова ли восторженный Сіонъ
Красуется Господнею святыней,
Преполненный богатствами отрадъ
Для кроткихъ душъ? А нѣсколько назадъ

Весь этотъ блескъ былъ затъненъ пустыней,
И вся краса обрушенной скалой
Въ презрѣннѣй лежала подо-мглою
И кто воздвигъ, и кто украсилъ снова,
И кто стѣной незыблемости силъ
Давида градъ незримо окружилъ?
Не крѣпкій ли и дивный Іегова?
Не онъ ли все, какъ въковъи утѣсь,
Изторгъ изъ тьмы, и къ облакамъ вознѣсь,
Чтобъ тамъ одѣть заманчивымъ блистаньемъ?
И все за то, что, сердцемъ разсмотрѣвъ
Слова любви надзвѣднаго Царя,
Избранники дышали упованьемъ,
И вѣрили, что если Богъ сказалъ —
То счастье нагрянетъ къ нимъ, какъ валь!
Да, кроткій другъ, все древней пѣснью тою
Такъ хорошо припомнила ты мнѣ,
И слышу я, какъ у меня на днѣ
Моей души, свѣтлѣя чистотою,
Еще свѣтлѣй запынцалась волна
Благихъ надеждъ, какими я пона

Долд.

Зачѣмъ же ты, преполненная силой,
Зачѣмъ ты, другъ, съ прекраснаго чела
Игривое веселье согнала,
И облеклась истомою унылой,
И глубоко погружена въ печаль? —
Все слезы льешь, а мнѣ тебя такъ жаль,
Я такъ люблю прекрасную подругу: —

Раскрой же ты и для меня развѣй
Мечты души взволнованной своей,
И внятнѣ мнѣ, какъ искреннему другу,
Вину тоски и грусти назови
О комъ она?

Альма (*снова грустно*).

Все, Дода, о любви!

Дода.

Все о любви? И это ли желанье
Смито въ тебѣ? И неуже ль твой видъ
Еще не весь плѣнительно повить
Въ роскошное одно очарованье!
Не вся ли ты, среди земныхъ полей,
Какъ лучшая изъ радостныхъ лилей,
И не полна ли ты ароматной неги,
По благодати создательной руки?
И развѣ, другъ, не легкіе шелки —
Кудрявые и черные побѣги
Твоихъ густыхъ, лоснящихся волосъ?
Не цвѣтники ль желанно-пышныхъ розъ —
Твоихъ ланить округлости живыхъ?
А этотъ взоръ, исполненный огня —
Не полночь ли въ лучистой ризѣ дня?
А эта грудь и перси молодыя,
Налитыя какъ полное зерно —
Не дивное ль волнистое руно,
Манящее горячія лобзанья?
И этотъ станъ, и это все твое,
Изъ красоты смитое, бытіе? —

Нѣтъ, Альма, другъ, не въ томъ твои желанья!....

Альма.

Живъ Саада! жива душа моя,
Что предъ тобой открыта сердцемъ я!
Да, милый другъ, беретъ свое природа!
Я разцвѣла, за то теперь во мнѣ
Кипить, горить въ душевной глубинѣ,
И я любви, любви хочу я, Дода!...
Я чувствую, я слышу пылъ въ крови:
Онъ жжетъ меня — и я хочу любви,
Я жажду духовнаго кетема;
Мнѣ надобны объятья красоты!....

Дода.

Какъ для меня непостижима ты!....
За чѣмъ же, другъ, изъ стѣнъ Ерусалима,
Отъ общества, отъ ближнихъ, отъ друзей,
Ты въ прихоти таинственной своей
Пришла сюда грустить на новоселье?
Ты ждешь любви? Кого жъ любить въ глуши,
Кто здѣсь пойметъ кипѣнїе души,
И кто тебѣ отвѣтности веселья
Расплещетъ здѣсь какъ радужный разливъ,
Себя съ тобой восторгами обвивъ?....
Ты вся горишь? но развѣ не въ Сіонѣ
И правда, честь, и слава, и краса?
Какъ гордые Ливанскіе лѣса,
Какъ пышныя маслинны въ Элеонѣ,
Тамъ юноши и мужи силъ цвѣтутъ;

А ты отъ нихъ укрывася въ сей пріютъ;
И вся въ борьбѣ съ могуществомъ природы,
Ты здѣсь горишь, какъ цвѣтъ въ землѣ сухой,
И выгоришь, — и все на пламень твой
Прохладные не разольются воды!
Прекрасенъ твой величественный домъ,
Наполненный и златомъ и серебромъ,
Раскидисты густыя вертограды,
Цвѣтушіе и въ нѣгѣ и въ тиши:
Здѣсь хорошо, здѣсь сладко для души
Уму вкушать тѣ дивныя отрады,
Которыя взаимность намъ даетъ, —
Да, ихъ вкушать; — но кто жъ ихъ здѣсь найдетъ?

Альма.

Ты, другъ, меня моложе только годомъ,
Ты вся полна и чувства и ума,
Но вижу я, еще ты незнакома
Съ лукавымъ тѣмъ и двойственнымъ народомъ...
Да, кроткая, ... всѣ эти мужи силъ
Бездушный скалъ и холодный могиль;
И знаю я, увѣрена я въ этомъ,
Что если бъ ихъ желала сердцемъ я,
То вѣрно бы искателей семья
Давно ко мнѣ нахлынула съ привѣтомъ;
Но повторю, что тѣхъ мужей полки
Въ моихъ глазахъ презрительно мелки....
Уже ли ты предполагаешь, Дода,
Въ умъ своемъ, чтобъ хоть одинъ изъ нихъ
Мечталъ когда о радостяхъ благихъ,

Которыми владычица — природа
 Всегда цвѣтитъ слияніе сердець?
 И кто изъ нихъ, взявъ брачный свой вѣнецъ,
 Помолится горячею мольбою
 Предъ кротостнымъ Создателемъ — Отцомъ,
 Чтобъ дивный Онъ таинственнымъ кольцомъ
 Связалъ его съ подругой молодою,
 И души ихъ, цвѣтуція равно,
 Желанно слилъ въ отрадное одно,
 Которое, здѣсь въ міръ пребывая,
 Рвалось бы въ даль — туда — на небеса,
 Гдѣ разлита священная краса
 Предвѣчнаго, несозданнаго рая? . . .
 Иль какъ дитя, въ избыткѣ простоты,
 Мой милый другъ, не думаешь ли ты,
 Чтобы, на вѣкъ предавшися невѣсть,
 Младый женихъ размыслилъ бы умомъ,
 Какъ онъ пойдетъ на поприщѣ земномъ
 Въ небесный край съ избранницею вмѣстѣ,
 И какъ свершить средь жизненныхъ міровъ
 Возвышенный свой подвигъ до гробовъ;
 И чтобъ, себя съ подругою связуя,
 Онъ вмѣстѣ съ ней богатство нужныхъ силъ
 На подвигъ тотъ у неба испросилъ?
 Нѣтъ! жалкій пылъ, да нѣги поцѣлуя,
 Да золото, да выгоды житья, —
 Вотъ идолъ ихъ и цѣль ихъ бытія!
 Когда-жъ они, достигнувъ ясной встрѣчи,
 Приобрѣтутъ желанное вполнѣ,
 Тогда супругъ . . . — мнѣ стыдно, больно мнѣ,

Произносить сіи плотскія рѣчи,
Но я стыжусь не за себя, за нихъ,—.....
Тогда тотъ мужъ, въ жару страстей своихъ,
Наполняя земнымъ до пресыщенья,
Съ довольною улыбкою слѣнца,
Бросаетъ вдругъ прекрасный даръ Творца,
Какъ бы сосудъ достойный отверженья.....
И вотъ кого ты предлагаешь мнѣ?...
Нѣтъ, кроткая!... въ священной тишинѣ
Укрылась я отъ свѣта не напрасно,
И о моей таинственной судьбѣ
Я все теперь перескажу тебѣ,
Чтобъ ты могла своей душой прекрасной
Постигнуть все и мысленно войти
Въ тѣ скрытые и дивные пути,
Которыми державный Царь созданья
Къ прозрѣнію спасительно ведетъ
Земныхъ слѣпцовъ..... Но, Дода, напередъ
Узнай мои высокія желанья..... (молчаніе)
Мой мирный умъ отъ колыбельныхъ лѣтъ
Горячею любовію согрѣтъ
Къ тому, что здѣсь и свято и небесно,
Къ тому, что намъ о Богѣ говорить.
Меня плѣнилъ природы свѣтлый видъ,
И эта твердь, развитая чудесно,
Какъ дивный сводъ надъ дивнымъ алтаремъ;
И въ багряницѣ встающее царемъ
Свѣтило дня, которое съ восхода,
По высотамъ недостижимыхъ странъ,
Торжественно идетъ, какъ великанъ,

Чтобы подъ всей раздольностию свода
Намъ освѣщать Владычныя дѣла,
Сливая свѣтъ съ великаго чела;
И сильно мнѣ очаровала очи
Роскошная и кроткая луна;
Какъ я люблю, когда вдали она
По синевѣ желанно — свѣжей ночи
Сребристой лебедью плыветъ,
И силой тайною влечетъ
Въ святую высь мышленія святыя,
Чтобы душа, сливая тамъ ихъ нить,
Могла себя блаженствомъ уяснить;
И много льютъ мнѣ звѣзды золотыя
Плѣнительно — таинственныхъ отрадь;
Какъ весело, какъ радостно лучать
Блестательныхъ красотъ іаголомы.
Онѣ въ своемъ измѣнчивомъ огнѣ,
И далеки, безвѣстны намъ онѣ;
Но ихъ лучи для сердца такъ знакомы....
И грѣтъ мнѣ весь внутренній мой домъ
Встающая на ложѣ золотомъ,
Въ тюникъ розъ, надъ пологомъ лазурнымъ,
Весенняя, душистая заря, —
И я люблю глубокія моря,
Столь грозныя при спорѣ съ вихремъ бурнымъ,
Столь кроткія въ объятіяхъ тиши.
Все это, другъ, такъ мило для души,
Такъ хорошо разсматривать все это;
И утонувъ пылливою мечтой
Во всѣ черты и въ жизнь картины той,

Среди красотъ вещественнаго свѣта
Духовную замѣтила я связь
Какъ изъ цвѣтовъ плѣнительная вязь,
Какъ свитая изъ радугъ діадима,
Она вездѣ всѣ творчія дѣла
Блистательно и чудно обвила
Въ отсвѣтъ огней того Ерусалима,
Который тамъ, надъ вышиной горя,
Владычить всѣмъ, и нѣгою Царя
Животворить безмѣрное созданье,
Какъ теплотой негаснущихъ лучей;
Та скрыта, связь, та нѣга всѣхъ вѣщей,
То дивное души очарованье,
Въ которомъ всѣ какъ бы родятся вновь,
Есть Божія безбрежная любовь!

Дода.

Ахъ, Альма, другъ, какъ говоришь ты сладко!

Альма.

Дослунай же

.

В. Соколовскій.

ПОЭТИЧЕСКІЕ

АФОРИЗМЫ И ОТРЫВКИ

(Изъ Жалнъ-Поля).

(Посвящено Графинь А... съ В.....и).

=

Желанія другу.

Когда судьба угрожаетъ человѣку, Ангелы оберегаютъ его среди своихъ ликованій, какъ пѣжная мать своего младенца среди радостей и заботъ своихъ. О таинственные Безсмертные! не оставляете ли вы иногда небесныхъ обителей? Беззащитный сынъ персти не внушаетъ ли вамъ къ себѣ жалости? или вамъ суждено осушать слезы еще горестивѣе нашихъ? Ахъ, если создатель вдохнулъ въ васъ ту же любовь, какою и насъ кадымилъ, — вы вѣрно нисходите на эту землю, и утѣшаете подъ луною сердца, когда буря грозитъ имъ бѣдою; летаете вокругъ утомленныхъ скорбію, налагаете руки свои на едва заживающія раны и думаете о бѣдныхъ сынахъ человеческихъ!

А если по землѣ скитается духъ, который нѣкогда вамъ уподобится, — можете ли покинуть своего брата? Ангель радости! будь съ моимъ другомъ, тобою также любимымъ, и когда солнце взойдетъ, пусть зеленѣетъ предъ нимъ

утро тихое, ясное! Будь съ нимъ, когда приблизится полдень и заботы его утомить — лети за вздохомъ дѣвы возлюбленной и имъ освѣжи ему грудь! Не оставляй его и тогда, когда солнце зайдетъ; устремь взоръ его на печальную одежду восходящей луны и на широкое небо, гдѣ ходитъ мѣсяцъ, куда и ты улетаешь!

Ангель слезъ и терпѣнія! Ты, всѣхъ чаще навѣщающій человека! О, забудь мое сердце и око мое; пусть обливаются кровью: онъ легко переносятъ страданія; — успокой лишь сердце и око моего друга, подобно смерти; отведи взоры его отъ всего земнаго, пусть видитъ онъ одно только небо за земными предѣлами! — Ангель слезъ и терпѣнія, ты знаешь тѣ очи и сердце, что въ скорби глубокой умоляютъ тебя за него; ты принесешь къ нимъ душу его, подобно изсохшимъ цвѣтамъ, что лѣтомъ выносятъ подъ дождь. Но остановись, если тѣмъ слишкомъ его опечалишь. О, Ангель терпѣнія! я люблю тебя, я знаю тебя, — умру въ объятіяхъ твоихъ!

Ангель дружбы! можетъ быть ты же и Ангель терпѣнія? Осѣни сердце его небесными своими крылами, и согрѣй его прекраснѣйшимъ жаромъ, чѣмъ жаръ человеческихъ объятій. Не заплакалъ ли бы ты на другой землѣ, какъ я бы на этой заплакалъ, — еслибъ его горячее сердце, прижавшись къ сердцу холодному, какъ теплая рука къ желѣзу замерзшему, должно было съ кровью оторваться отъ него! . . . Будь же защитой ему; если жъ нельзя, не говори мнѣ объ его рыданіяхъ.

О, вѣчно блаженные, въ другихъ мірахъ обитающіе! у васъ ничто не умираетъ, вы ничего не лишаетесь, и все вамъ дано: что любите вы, то прижимаете къ без-

смертной груди; что вы имете, то держите въ безсмертныхъ рукахъ.—Тамъ, горъ, въ блистающей высотъ, въ вѣчномъ вашемъ душевномъ союзѣ, можете ли чувствовать вы, что здѣсь людямъ суждено разлучаться, что мы лишь изъ гроба, пока еще не опущены онъ въ землю, подаемъ руки другъ другу,—что смерть не есть еще единственное, мучительнѣйшее орудіе рока, разлучающее людей? Еще прежде чѣмъ разорветъ она наши объятія, рука холоднѣе самой смерти уже сплываетъ, душу оторвать отъ души.— И тогда очи истекаютъ слезами и замираетъ сердце отъ скорби, какъ будто бы смерть разлучала.... Такъ въ полное солнечное затмѣніе, падаетъ роса, груститъ соловей, цвѣты закрываются, словно въ долгую ночь! Все благое, все прекрасное, все, что можетъ осчастливить человѣка и возвысить его, да будетъ съ другомъ моимъ; всѣ свои желанія сливаю я въ этой тихой молитвѣ.

* * *

Не унывай, благородный духъ человѣческій, если твои силы слабѣютъ, если твое земное тѣло наклоняется предъ годами, лишается цвѣта и падаетъ. Въ лѣтнюю ночь блистаетъ, какъ жемчугъ, роса на каждомъ цвѣткѣ, отражая сіяніе мѣсяца, но приближается утро, тускнѣютъ цвѣты, и жемчугъ теряетъ свой блескъ; мѣсяцъ блѣднѣетъ и покидаетъ небо, а въ цвѣтахъ остаются лишь холодныя слезы. Посмотри, солнце взошло,—снова заблестали цвѣты, но вмѣсто жемчуга въ нихъ загорѣлись алмазы; и ими гордится новое утро.—Такъ и для тебя, старецъ, взойдетъ новое чудное солнце и осветитъ потускнѣвшія капли росы.

Когда настанетъ для тебя день печали и окружитъ тебя своимъ густымъ, сѣрымъ туманомъ, и во мракъ скроетъ весь міръ отъ тебя, тогда подумай: во что твоя прошедшая жизнь превратитъ этотъ туманъ? Въ прозрачныя ли и блестящія облака, въ вечернюю ли зарю? — или онъ упадетъ, какъ роса утренняя, на долины, и покроетъ ихъ блескомъ?

Страданія доброй души суть майскіе морозы жизни, — послѣ нихъ настаетъ весна; страданія же злой души — морозы осенніе; онѣ предвѣщаютъ зиму мученій.

Ничего нѣтъ въ мірѣ умильнѣе, какъ присутствовать при примиреніи. Не думайте, чтобъ слишкомъ дорого платили за наши слабости, когда намъ прощаютъ ихъ. Завидуйте Ангеламъ, которымъ недоступно злопамятство. Когда прощаютъ другъ другу, тотъ, кто нанесъ рану нашему сердцу, походитъ на морскаго червяка, который проникаетъ въ раковины и потомъ задымываетъ жемчугомъ сдѣланныя имъ отверстія.

Люди думаютъ, что на землѣ существуютъ объятія, между тѣмъ какъ другъ объ друга ударяются одно мясо и кости, и позади ихъ одна душа лишь вѣрнѣе въ другую душу!

Слезы смягчаютъ сердце человѣка и осяняютъ его благочестіемъ; колокольчики гармоникъ въ душѣ человѣка, эти отголоски высшаго міра, должны быть вымочеными,

подобно стекляннымъ колокольчикамъ, чтобъ звучать на землѣ.

Сердце, воспаленное огнемъ восторга, отчуждается отъ всякаго земнаго чувства; оно походитъ на мѣста, пораженные громомъ, гдѣ древніе не хотѣли ни ступить, ни строить.

Когда два человѣка, любящіе другъ друга, встрѣчаются среди одинакихъ душевныхъ волненій, тогда только они оцѣниваютъ сердце человѣка, его любовь и его счастье.

Всѣ люди носятъ въ своемъ сердцѣ умершихъ или умирающихъ.

Хотите ли принимать участіе въ чистѣйшей радости? Не смотрите на радость младенцевъ, но на радость родителей, любующихся ихъ играми.

Человѣкъ, живущій однимъ умомъ безъ поэзіи, вѣчно останется художавымъ и тощимъ, какъ бы не была блестяща его наружность. Жизнь его можно сравнить съ осенью, богатою плодами, но лишенною наслажденія слушать дивныя пѣсни, которыми птицы увеселяютъ весну; — или съ пространными сѣверо-Американскими лѣсами, гдѣ царствуетъ мертвое молчаніе, не прерываемое ни единымъ живымъ звукомъ. Если же въ тебѣ обитаетъ поэтическій духъ, онъ въ состояніи преобразить всю вселенную — не на бумагѣ, какъ для иныхъ, но въ твоемъ сердцѣ; — вѣчная весна цвѣтетъ для тебя на землѣ, и съ каждой вер-

пины земной и съ каждого облака слышатся тебѣ звонкія пѣсни. Придетъ твоя суровая осень; всѣ листья спадутъ съ мрачнаго дерева жизни, и холодный вѣтеръ далеко отброситъ ихъ отъ тебя: даже тогда найдешь ты въ глубинѣ души своей тихую радость, и самъ не будешь знать, кто тебѣ посылаетъ ее. То пѣсни неба отзовутся въ душѣ твоей.

Любовь есть великая закваска молодости — пчелиная матка молодаго роя мыслей, сердцевина жизни, принадлежность каждаго молодаго сердца, какъ и каждаго молодаго растенія. Какъ старое и дуплистое дерево легко высыхаетъ, такъ и сердце человѣческое высыхаетъ въ старости и бьется лишь только для своей крови.

Какъ мало человѣку нужно теплоты или холода, чтобъ сообщить ихъ другому! Какъ легко ему окружить и себя и другихъ мракомъ или свѣтомъ! Утро превращаетъ весенній морозъ въ росу, а вечеръ росу превращаетъ въ морозъ. Выбирай, человѣкъ: желаешь ли ты быть утромъ, — или вечеромъ? ходить по снѣгу или по драгоценнымъ камнямъ?

Ты говоришь, дерзновенный, что сердцу твоему осталось лишь одно мгновеніе, что кругомъ тебя и въ тебѣ самомъ пустота! Но не лежитъ ли за тобой долгое, ежедневно возрастающее прошедшее — а предъ тобой будущее? Развѣ суровой зимѣ не предшествуетъ плодоносная осень? И ты жалуешься на пустоту твоего сердца! Такъ просторныя степи въ Индіи представляютъ взору путе-

Каждо мо-
это та
ки и бд
1161 Каи
всѣ ин
статб
приводитъ
и отъ
всѣхъ в
нѣзавѣ
Каи
это до
бже?

можно, попутнымъ до-
рожаи-

шественника одно безплодіе, между тѣмъ какъ ихъ окружають цвѣтистыя равнины и вѣчно зеленыя лѣса.

Майскіе цвѣты.

Бѣлый колокольчикъ съ желтымъ язычкомъ, зачѣмъ поиникъ ты къ землѣ? или тебѣ стыдно, что ты, блѣдный какъ снѣгъ, раньше возникъ изъ земли, нежели большіе, тордые, огнецвѣтные тюльпаны и розы? или ты наклоняешь свое бѣлое сердце предъ могущественнымъ небомъ, создавшимъ новую землю изъ отжившей земли, или предъ волнующимся маемъ? или ты готовъ пролить всѣ капли цѣлебной росы, собравшіяся въ твоей чашечкѣ, какъ слезы радости, въ честь юной, прекрасной земли? Нѣжный, бѣлый цвѣтокъ, возвысь свое сердце къ небу! я хочу облить его слезами радости, освѣтить сіяніемъ любви. О! первая, прекрасная любовь весны, покажи свое сердце!

* * *

Сколько женщинъ, достойныхъ благоговѣнія, которыя желили болѣе сами восхищаться, нежели восхищать другихъ, приобрѣли силу, ученость, даже величіе.... и потомъ сошли съ высоты, до которой достигли, и превратились въ холодныхъ, несчастныхъ кокетокъ, потому что встрѣтили лишь только объятія тамъ, гдѣ искали себѣ сердца.

Заря занималась; природа походила на нѣмую молитву; человѣкъ возвышался надъ нею подобно свѣтлому созвѣздію: сердце его понимало языкъ Божества. Когда этотъ языкъ понятенъ сердцу, когда его оболочка и его міръ не могутъ

болѣе его совмѣстить, великій геній проливаетъ въ смутную грудь человека сладчайшую любовь, успокоиваетъ его, и безконечный допускаетъ любить себя въ конечномъ.

Направить свою волю къ одной цѣли, посвятить ей всю свою жизнь, оставаться ей вѣрнымъ каждую минуту и при каждомъ новомъ лицѣ, — вотъ что всего необходимѣе въ этомъ мірѣ.

Народы и люди тѣмъ лучше, чѣмъ они веселѣе; они заслуживаютъ неба, когда умѣютъ имъ наслаждаться. Слезы скорби — жемчуги второй воды, слезы радости — первой: судьба, эта нѣжная мать человечества, разсыпаетъ цвѣты радости на колыбели жизни, какъ кормилица усыпляетъ цвѣтами ложе дитяти, чтобъ продолжить его сонъ! Ахъ! пусть та Философія, которая лишаетъ насъ радости и вычеркиваетъ ее изъ предначначеній Провидѣнія, скажетъ намъ, по какому праву живыя шутки смущаютъ насъ на пути этой жизни?.....

Горе должно очищать; безъ того, что оставалось бы намъ отъ него? Ни забавы, ни радости не могутъ изгнать его, онъ только призываютъ страданія; одинъ трудъ и непрерывное напряженіе ума могутъ избавить отъ него. Страдать труднѣе, нежели дѣйствовать, потому что одно продолжительнѣе другаго. Молодой человекъ можетъ только дѣйствовать, человекъ въ зрѣломъ возрастѣ можетъ уже страдать. Чѣмъ душа ближе къ совершенству, — тѣмъ менѣе переноситъ она страданія, не повреждая своей первобытной красоты.

Есть истины, въ которыхъ мы бы желали видѣть великихъ людей, правящихъ народами, тверже убѣжденными, нежели мы сами.

Великій Боже! страна столь неплодная, какъ наша, эта степь, покрытая терновниками и облаками, нѣчто въ видѣ *Эпиграммы*, оканчивающейся остріемъ, какъ отравленный кинжалъ, все это не достойно ли нашихъ слезъ? Геній свергаетъ насъ съ высоты въ море жизни, и потомъ также считаетъ число семьдесятъ или восемьдесятъ, какъ мы его считаемъ, бросая камень въ глубокую пропасть, и на семидесятомъ разѣ или годѣ онъ внимаешь глухому шуму нашего паденія въ могилу.

О, зачѣмъ плоды въ человѣкѣ нуждаются въ другомъ времени года, чѣмъ его цвѣты? Въмѣсто дыханія весны, требуютъ жаровъ августа, урагановъ осеннихъ? —

Среди нашего вѣчнаго перехода отъ наслажденія къ горю, отъ силы къ дряхлости, отъ пламенной восторженности головы и сердца къ ихъ мрачному охлажденію — еслибъ не существовало для насъ прелестнаго обмана, нечувствительнаго перехода и волшебной силы времени, посредничество котораго скрываетъ отъ насъ сосѣдство этихъ крайностей, — сознаніе нашего непостоянства было бы для насъ слишкомъ тяжело, какъ дѣйствительно и есть для старости, когда скопленные опыты сорвали съ каждаго предмета его маску, когда изнуренный и оледенѣлый человѣкъ отогрѣвается только при лунномъ свѣтѣ воспоминаній его молодости.

Вѣкъ бросаетъ сѣмена цвѣтовъ на крылья минуты; можно схватить только одно мгновеніе изъ вѣчности счастья.

Тотъ, кто нашелъ въ себѣ міръ, изобилующій идеями, ищетъ наслажденій — только въ самомъ себѣ и болѣе нигдѣ; всякое движеніе, даже физическое, въ состояніи расплескать его чашу, полную дектара.

Человѣкъ долженъ стремиться къ благородной цѣли или искать великихъ образцовъ, безъ чего онъ лишится своей добродѣтели, какъ магнитная стрѣлка, долго отстраняемая отъ полюсовъ міра.

О, какъ часто молодой человѣкъ переходитъ отъ *in octavo* къ *in quarto*, отъ *in quarto* къ *in folio*, и простираетъ руки къ другимъ книгамъ, къ другимъ наставникамъ! Тѣмъ лучше. Голодь варить пищу, но любовь плодотворить. Эти горячія желанія сердца составляютъ *aura seminalis* орфическаго яйца наукъ Вы и не замѣчаете этого, господа близорукіе наставники, подносящіе чашу утоленія къ устамъ вашихъ учениковъ, прежде нежели они почувствуютъ жажду! Вы, какъ нѣкоторые знатоки въ цвѣтахъ, разрѣзываете стволъ цвѣтка и подливаете въ него красильнаго вещества, а въ чашечку опускаете мускусу, вмѣсто того, чтобъ выставить ихъ на солнце и дать имъ добрую землю. Неразумные! вы ввергаете ихъ, немощныхъ, съ неразвитыми органами, въ великую державу истины и красоты, подобно тому, какъ мы въ слѣпотѣ чувствъ подползываетъ на четверинкахъ къ природѣ, чтобъ упасть предъ нею въ обморокъ; вамъ и дѣла нѣтъ до того,

что вы не въ силахъ будете никогда возвратить имъ эти прекрасныя и плодородныя годы, которыми они вноше насладились бы, если бы вы дождались сочной поры полного развитія и окрылости мысли и чувства, и тогда тихими шагами привели бы ихъ въ это раздолье чуднаго умственного міра, въ которомъ пеленки неопытности и помочи предразсудковъ не препятствовали бы болѣе ихъ дѣятельности. —

Жалкіе воспитанники! они походятъ на тѣ аллеи въ садахъ, которыя весною первыя покрываются листьями, и скоро потомъ желтѣютъ, между тѣмъ какъ кругомъ цвѣтники и гряды красуются въ роскошномъ цвѣтѣ.

Готбы не посылали своихъ дѣтей ни въ какія школы, чтобъ тѣмъ сохранить въ нихъ львиную силу. — Если должно смягчать молодыхъ дѣвушекъ молочными ваннами, прежде посадки ихъ на почву общественной жизни, то мальчиковъ должно садить въ землю, какъ абрикосы съ ихъ каменною скорлупою; они сьумѣютъ прорѣзать се своими корнями и позднѣе освободятся отъ нея. —

О! милый братъ! еслибы ты могъ иногда возвращаться назадъ по пути жизни, и хотя однажды жить двумя утрами дней равно прекрасныхъ, но отличенныхъ другъ отъ друга десятию годами жизни! Твоей душѣ представились бы въ одно мгновеніе два различные міра, двойное кольцо Сатурна: ты жаднымъ взоромъ окинулъ бы все пространство, отдѣляющее тебя отъ цѣли, и перенесшись назадъ, ты измѣрилъ бы пройденное пространство: назвалъ бы по

имени каждую ошибку, каждый обманъ жизни, пожалѣлъ бы о томъ, что такъ щедро расточалъ невозвратимыя чувства и мысли Могъ ли бы ты опустить взоры на эту землю, по которой ты проходилъ, не обозначивши слезами слѣдовъ, тобой на ней оставленныхъ, не спросивши у самаго себя: тысячи четыре удара землетрясеній, потрясавшихъ эту землю и мое сердце, равно ли оплодотворили и то и другое? О, зачѣмъ намъ несчастнымъ черпать опытность въ глубинѣ прожитыхъ дней, утраченной силы и сознанныхъ заблужденій? Зачѣмъ человекъ, — созерцаи природу, ниспосылающую въ каждое утро цвѣтку на благо каждую каплю росы, — принужденъ краснѣть за столько слезъ, пролитыхъ имъ безъ цѣли и не оплодотворившихъ сердца? Она своею могущественною дланью извлекаетъ изъ весны — лѣто, изъ зимы — весну, изъ дубравъ и горъ — вулканы А мы, безумныя дѣти, мы не въ состояніи изъ прошедшаго создать себѣ прекрасное будущее! Безполезные блудящіе огни! Потокъ умовъ гениальныхъ быстро бѣжитъ по землѣ, не оплодотворяя ея, подобно водамъ водопадовъ, низвергающихся съ высоты на землю, и оставляющихъ по себѣ одинъ сырой туманъ! —

Зачѣмъ думать намъ объ уничтоженіи или о безполезности: довольно того одного, что такая-то вещь существуетъ. Въ степяхъ птицы поютъ и никто не усаждаетъ слуха ихъ пѣніемъ, и звѣзды свѣтятъ, и никто не дивится ихъ блеску! Въ насъ самихъ и вокругъ насъ гораздо болѣе невидимаго, нежели видимаго. Природа изъ всего извлекаетъ благо, трудится ежеминутно, и никогда не

устаешь Человѣкъ образуетъ собою особенную природу; пусть подражаетъ онъ общей матери.

Духъ времени долженъ былъ вырваться изъ своей кризалиды, проложить себѣ путь и улѣтъ; онъ совершилъ это, и въ своемъ полетѣ истекъ кровію Мы какъ будто бы участвуемъ въ общемъ заблужденіи, принимая за кровавый дождь капли, роняемыя на землю бабочкою во время ея превращенія!

О, незавидуйте молодости и сновидѣніямъ смертныхъ! Они такъ походятъ на цвѣты, которые почиваютъ только столько часовъ, сколько цвѣтутъ: увядши, они пробуждаются, и ихъ чашечка открывается долгой, холодной, сырой ночью. Дѣвы и юноши почиваютъ — а потомъ мечтаютъ; отнимите у нихъ сонъ, прощай сновидѣніе, прощай и нѣжная защита семенамъ будущаго. —

О! какое удовольствіе приносить образъ живаго человѣка бѣдной отшельницѣ, когда во весь день она не слышала ничьего голоса, кромѣ своего, и никого не видала, кромѣ самой себя! — И послѣ этаго, удивляться ли тому, что мы любимъ другъ друга не нѣжнѣе, чѣмъ волки и пауки, если мы такъ пресыщены человѣческими существами, насъ окружающими съ такою расточительностію! когда подумаемъ, что въ маленькомъ городкѣ средняго класса на одно сердце приходится 10 тысячъ живыхъ существъ, просящихъ вашей любви; а въ столицѣ же, на каждаго бѣдняка приходится 50 тысячъ! какъ же тутъ распорядиться молодому челоѣку въ Парижѣ? — но

заключите только мѣсяца на три одного изъ сихъ парижскихъ эгонстовъ въ какую нибудь *Torre Maledetta*, въ какую нибудь башню, и послѣ откройте передъ нимъ двери, возвратите ему свободу — и вы увидите, если онъ, раставаясь съ уединеннымъ убѣжищемъ, не выйдетъ отсюда доброе, нѣжное и преданное другомъ своихъ братьевъ — человѣковъ!

Описаніе утренней грозы въ Кампаньерталь.

..... Всю ночь слышны были перекаты отдаленнаго грома, словно во снѣ изъявляющій гнѣвъ. Утромъ передъ восходомъ солнца вошли мы съ Каризономъ въ брачный чертогъ природы, занавѣшанный близкими облаками. Луна достигла двойнаго мгновенія своего захода и полноты. Огъ низко опустившася въ Америкъ, будто на алтарь горящаго солнца, поднимался легкій багряный паръ его радостнаго огня. Но вотъ надъ нимъ съ шумомъ закипѣла утренняя гроза и разметала передъ нимъ свои молніи. Природа, какъ мать, горячими крылами покрыла землю: раздались вызванныя ею изъ груди соловьевъ страстные долги жалобы; обширная долина, вся въ цвѣтахъ, разливала по воздуху волны благоуханія. Крупныя теплыя капли падали съ сгустившихся облаковъ, съ шумомъ разсѣкая листы и рѣку. Однѣ лишь южныя горы, — зубцы Пиринейскіе, — стояли чисто и ясно въ утренней лазури. Наконецъ заходящая полная луна низвергла бурный вѣтеръ въ раскаленную бурю и солнце вдругъ взошло съ торже-

ствомъ подъ триумфальныя ворота, обитыя молніями. Гроза очистила все небо и дождь потоками хлынулъ на землю; вокругъ блистающаго солнца — алмаза лежали одни лишь дрожащія серебряныя блески разорванныхъ облаковъ. — Новорожденный день сошелъ на землю и распростерся надъ великолѣпною долиною! и соловьи и жаворонки громко привѣтствовали его пѣснями; розовыя жучки зажужжали на своихъ лилейныхъ гирляндахъ; орелъ взлетѣлъ подъ самое высокое облако и, переметая съ горы на гору, имъ любовался. Что за аркадическая картина со всѣхъ сторонъ Адуръ, извиающагося по полямъ! Мраморныя стѣны, не людскою рукою воздвигнутыя, окружали подобно большимъ вазамъ съ цвѣтами, цвѣтныя гряды; а вершины Пиреней сторожили кругомъ разбросанныя, низкія пастушескія палатки. О тихая Темпа, пусть буря никогда не тревожитъ твоего Адуръ и твои сады! Пусть не подымается въ нихъ никогда вѣтеръ, сильнѣе того, который нѣжно убаюкиваетъ природу, качаетъ вершинами деревъ, полными птенцовъ и горячихъ яицъ, подобно колыбели, покрытой листьями—не сбрасываетъ ни одной пчелы, собирающей медъ на колосьяхъ, и одинъ лишь самыя крупныя брызги водопада переноситъ на прибрежныя цвѣты.....

Письмо Густава къ своей возлюбленной.

Предъ тѣмъ, какъ я написалъ это, вы, невыразимо дорогіе, отправились съ Лаурою въ паркъ, чтобъ еще насладиться утомленнымъ солнцемъ, заходящимъ между двумя

большими облаками; по сторонамъ неслись тѣни облаковъ, съ вами же шелъ солнечный свѣтъ. Я благодарилъ листы, лежаніе у вашихъ ногъ, за то, что они не скрывали вѣсь отъ меня; но я хотѣлъ оборвать всѣ колючіе листы терновника, за которыми вы исчезали, уходя отъ меня. «О, еслибъ я могъ,—думалъ я,—усыпать осеннюю дорогу молодыми цвѣтами и бабочками, еслибъ я могъ обвести се цвѣтущими деревьями съ соловьями, а горы и лѣса передъ нею облечь въ весеннюю одежду: ахъ! еслибъ тогда затрепетала она отъ радости, взглянула бы на меня и должна была бы благодарить....» Но эти листы, этихъ соловьевъ, эту весну, вы мнѣ ихъ дали; вы ниспослали на мою жизнь вѣчный май и извлекли слезы радости изъ очей чловѣка; что же я могу дать вамъ въ замѣнъ? Беата! что могу дать вамъ за весь этотъ рай, въ который вы обратили земное мрачное царство моей жизни, убрали его цвѣтами.... и за ваше сердце, за все ваше сердце! — Мое сердце! — вы и такъ уже владѣете имъ, а больше я ничего не имѣю; за всѣ прекрасные часы, за всю вашу красоту, за всю вашу любовь, за все, что вы дали мнѣ, я ничего не могу вамъ предложить, кромѣ вѣрнаго, счастливаго, горячаго сердца.....

Да, больше я ничего не имѣю; но если божественная искра горней любви можетъ разгорѣться въ груди чловѣческой: то она запала въ мое сердце и горитъ въ немъ для той, которую я могу лишь любить, но не награждать. — Ты, искра небесная, все будешь тлѣть для нея въ моемъ сердцѣ, еслибъ даже оно и утонуло въ слезахъ, или сжалось отъ скорби, или смертию обращено было въ

пенеть. . . . Беата! на землѣ ни одинъ человѣкъ не можетъ другому сказать, какъ онъ любить его. Дружба и любовь идутъ по землѣ съ сомкнутыми устами, и внутренній человѣкъ лишень языка. Ахъ! когда человѣкъ захочеть упасть ницъ въ вѣчномъ храмѣ, возвышающемся до безконечности, среди ликующихъ хоровъ, священныхъ мѣстъ, алтарей, гдѣ приносятся жертвы, — и очарованный, хочеть молиться: о, тогда онъ молча упадетъ на землю, подобно слезѣ, упавшей съ глазъ его! Но добрая душа знаетъ, кто, молча, любитъ ее; она замѣчаетъ скромный взоръ, что тайкомъ слѣдуетъ за нею; она не забываетъ ни сердца, что такъ сильно бьется для нея, а говорить не можетъ, — ни боязливаго вздоха. — За то, Беата, если ужъ разъ этотъ взоръ и это сердце перервутъ свое молчаніе, если въ счастливейшіе часы, со всею силою любящей природы, дерзнуть они вымолвить обожаемой душѣ: «я люблю тебя!» о, тогда трудно, очень трудно имъ снова замолкнуть; больно вырывающееся пламенное сердце насильственно заключить въ тѣсную холодную грудь: внутренняя тихая радость хочеть перелиться въ тихую грусть и печально блистаетъ въ последней, какъ луна въ радугѣ, которую ночь воздвигаетъ. . . . Беата! мнѣ нечего желать и не о чемъ просить; взоръ и рѣчи Беаты могутъ создать рай для меня: я живо рисую его въ своемъ воображеніи, — но о немъ просить васъ не смѣю: у бѣрега серебрянныхъ тѣней, и теперь и въ сновидѣніи разлучающаго насъ съ жизнью, подобно широкому потоку, у сего берега долженъ я заключить въ душѣ своей все свои желанія; но, сокровище мое! если я не слышу порою, кому подарилъ себя лучшее сердце, могу ли имѣть довольно силы, чтобъ повѣрить ему.

Когда я вижу это прекрасное, нѣжное сердце, среди множества людей добрыхъ и возвышенныхъ, и говорю имъ невольно: «никто изъ васъ не достоинъ имъ обладать,» тогда рождается во мнѣ радостное удивленіе, что это сердце предалось моей душѣ, и мнѣ все что-то не вѣрится... Другъ мой! много, много душъ было достойнѣе твоего сердца, но ни одна не была бы такъ счастлива тобою, какъ моя! —

(Die unsichtbare Loge).

Надежда Васильковичъ.

Сельцо Кулешовка.

1842 г.

*Ангелъ мой, вѣдь судя по
мнѣ за тѣмъ, какъ я
люблю, право у тебя сердце
и чуждъ огорченій*
ВДОХНОВЕННАЯ.

Недолго, дивными созданьями плѣняя,
Она, прекрасная, гостила на землѣ,
Увяла — нѣтъ ея!
.
Всему конецъ!... призваніемъ небеснымъ
Влекомая отъ колыбельныхъ дней,
Она путемъ таинственно-чудеснымъ
Прошла свой вѣкъ, не испытавъ людей,
Ни бѣдности условій жизни нашей;
Предвѣденъ пророческимъ пономъ,
Въ бесѣды дѣвъ безпечныхъ полной чашей
Вливала грусть поэзіи она. —

Божественно ея бряцала лира,
Но не было надежды въ пѣснѣ той:
Та пѣсня—плачь о бѣдной долѣ міра,
Плачь Ангела уныло-гробовой.
Земной любви не вѣдала молодая;
Не тронуло ея прекраснаго чела
Дыханіе страстей, и въ мірѣ неземная,
Всѣ думы небесамъ она передала.

Харьковъ.

Недоимъ.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Посвящ. С. Н. Кронебергъ.

=

Какъ яхонты очи твои
Прекрасныя, свѣтлыя очи;
Счастливецъ, кому среди ночи
Смѣются съ любовью очи.
Миллионами чистыхъ лучей
Алмазъ, твое сердце, сверкаетъ;
Счастливецъ, кого озаряетъ
Онъ свѣтлой любовью своей!
И губки рубиновъ алѣй;
Прекраснѣ ихъ не найдутся;
Счастливецъ, кому признаются

Въ любви онъ нѣжной своей
О! еслибъ счастливца узналъ я!
О! еслибъ его повстрѣчалъ я
Одинъ, да въ дремучемъ лѣсу, —
Я зналъ бы, что сдѣлать ему.

А. К.

1840. Сентяб. 8.

АТТИЧЕСКАЯ НОЧЬ.

(Посв. О. О. — ой).

=

Νύκτῳ τῶν τριγυρῶν Διὸς ἢ παρὰ ποταμὸν.

Греческ. пѣсня.

I.

Ночь прохладу навѣваетъ,
Дышетъ миррой вѣтерокъ,
Филомела распѣваетъ,
Спитъ на розѣ мотылекъ.

Надъ лепантскими водами
Блещетъ мѣсяць, спитъ волна,
Голубыми небесами,
Какъ дитя усыплена.

Мѣсяцъ выше приподнялся,
Смотритъ страстно на заливъ, —
И въ пучинѣ показался
Лѣсъ коралловыхъ оливъ.

Тамъ, подъ сѣнью оливы,
Солнце дѣвственное спитъ....
На любовника стыдливо
Мѣсяцъ пламенный глядитъ.

«Не сойтися мнѣ съ тобою!...»

Солнцу мѣсяцъ говоритъ.
«Страсть не высказать слезою,
И лучей съ тобою не смѣть!»

Плачетъ мѣсяцъ безотрадный
И воснь и на-яву,
И росою благодатной
Увлажаетъ мураву.

==

II.

Хороша ты, ночь Элады!
Я тебя не замѣчалъ;
Краше глазъ моей Стаматы
Ничего я не видалъ!

Съ той поры, когда подругу
Близъ оливы я зарылъ,
Съ той поры тебя, какъ друга,
Я душою полюбилъ.

Хороша ты, ночь Эмлады!
Пылако звѣздочки горать:
Но меня глаза Стаматы
Съ прежней ревностью слѣдять.

И. Щербина.

Харьковъ 8 Января 1842 г.

* * *

Наточу я пожь широкій,
Запасуся кистенемъ,
И пойду я въ путь далекій
Одинокимъ молодцемъ.

Ни товарища, ни брата
Не возьму я въ путь съ собой;
Отъ восхода до заката
Свѣтлый мѣсяцъ спутникъ мой.

Онъ укажетъ мнѣ дорогу,
Въ темный лѣсъ меня сведетъ;
Тамъ, какъ звѣрь, себѣ берлогу
Отыщу я безъ хлопотъ.

Буду жить; добра чужаго
Злой неправдой не возьму,
И на путника ночнаго
Кистеня не подыму.

Но когда порой полною,
Съ молодой своей женой,
Повстрѣчается со мною
Лютый врагъ, разлучникъ мой —

Заблещу пожемъ широкимъ,
Замашу я кистенемъ,
И разбоемъ одинокимъ
Перевѣдаюсь съ врагомъ.

Харьковъ.

Недолинъ.

ВЪЗТАЛАНЬЕ.

Въ полѣ вѣтеръ воетъ,
Зерны вырываетъ
Изъ вспаханной нивы.
Въ полѣ вѣтеръ воетъ,
Зерны развѣваетъ
По чистому полю....

Отчего-бы вѣтру,
Не вывѣять жизни
Изъ моего тѣла?

Послѣ черной тучи
Солнышко сіяетъ;
Вслѣдъ за пыльной бурей

Сивъжо становѣгся,
И малиной пахнеть
Вѣтерокъ весенній....

Отчего-жъ за горемъ
Приходить не радость,
А новое горе?...

Послѣ долгой муки,
Сердечной кручины,
Молодецъ удалой
Изъ церкви выходитъ,
Съ молодой женою,
Прежнею зазнобой....

А мнѣ-горемыкѣ
Ждать и не дождаться
Свадебнаго пира!...

Аль я подѣ такою
Звѣздою родился,
Аль ужъ суждено такъ
Мачихой-судбиной....
Знать она злодѣйка
Меня не взлюбила!...

Брошу горемъ ђ-земь,
Скажу помолившись :
Богу такъ угодно!...

Харьковъ.

Н. Щербина.

ВЕСНА.

(Брату Александру.)

Съ радостью ждалъ я весны въ сторонѣ незабвенной
Въ годы минувшіе. Чудные годы!...
Жадно, бывало, я жду безмятежнаго утра.
Чуть лишь заблещетъ зарница на небѣ, —
Иволга крикнетъ унымо въ дубравѣ,
Въ гнѣздѣ встрепенется овчарикъ. Тихія воды
Вольно лежать въ берегахъ, осѣненныхъ
Гибкою ивой. Кунами пролѣсковъ синнихъ
Корни деревьевъ усыяны пышно;
Ольхи тѣнистыя машутъ вѣтвями;
Гибкій тростникъ шелеститъ надъ водою;
И сѣти раскинувъ въ прозрачныя воды,
Мирный рыбакъ съ челнока торопливо
Болтомъ сгоняетъ жильцовъ боязливыхъ
Влаги студеной.... Радостно вспомнить,
Какъ ожидалъ я весны въ сторонѣ незабвенной
Въ годы минувшіе. Чудные годы!

Харьковъ. 1843.

Яковъ Щоголевъ.

* * *

Ахъ ты, солнышко, солнце красное,
— Ты лучистое, золотистое!
Ты зачѣмъ рано просыпаешься,
— Ключевой водой умываешься!
На чель твою дорогой вѣнецъ,
Разукрашенный жемчужинами,
Изумрудами разноцвѣтными,
Разноцвѣтными, искрометными.
Радость Ангеловъ, милость Божія,
Наше солнышко перекатное!
Ты куда плывешь, куда держишь путь?
Гдѣ пріютъ тебѣ въ ночь темную?
Знаю, свѣтлое, твой заветный путь:
Ты любилося съ золотой звѣздой,
Съ золотой звѣздой, со вечернею,
Темной ночки собесѣдницей.
И за нею-то съ утра ранняго
Ты идешь кругомъ по поднебесью;
Съ ней стыдливою ты встрѣчаешься,
Поцалуешься и скрываешься.
Ты скрываешься за дремучій лѣсъ;
Тамъ, любовію упоенное,
До утра глядишь ты на звѣздочку,
Молчаливую и стыдливую.

Харьковъ.

Недолинъ.

ДОНЪ-ХУАНЪ И МЪСЯЦЪ.

=

Берегись, повѣса - мѣсяцъ,
Оловянные глаза:
На твоёмъ лучѣ побѣду
Я къ тебѣ на небеса! . . .
Той рапирой, что гидальговъ
Я ad patres посымалъ,
Тѣмъ кинжаломъ, что подъ сердцемъ
Командора трепеталъ,
Насквозь грудь твою, негодный,
Безъ-пощады проколю,
И съ насмѣшкой надъ тобою
De profundis пропою . . .
И рога съ тебя сорву я,
Будто съ дерева лимонъ,
И чело украситъ ими
Не одинъ женатый донъ . . .

По дѣломъ тебѣ, повѣса: —
Ты свѣтилъ на-зло тогда,
Какъ я сталъ лобзать Инесу
Въ сладко-жгучія уста;
Какъ супругъ ея румяный
Пистолетомъ мнѣ грозилъ,
Какъ меня чуть не схватилъ
Непредвидѣнный, неожиданный
Полицейскій Алгвазилъ . . .

Я рога твои приставлю
Мной обманутымъ мужьямъ,
А всего тебя отправлю
Къ безволосымъ старикамъ.

Харьковъ.

И. Щербина.

МОГИЛА.

Одиноко, въ чистомъ полѣ,
Близъ дороги столбовой,
На раздольи и на волю
Спитъ скиталецъ молодой.
Спитъ онъ крѣпко; надъ могилой
Запустынье, тишина;
Тамъ шумить порой уныло
Лишь забытая сосна.
Кто же онъ, не досказавшій
Сердца пламенной мольбы,
Такъ неожиданно, рано павшій
Подъ десницею судьбы?
Зналъ ли онъ прямую радость,
Отъ души-ль людей любилъ,
Иль рыдающую младость
Въ тѣсномъ гробѣ уложилъ?

Люди тайны той не знаютъ;
Та могла всѣмъ чужда;
Къ ней, рѣзвися, подбѣгаютъ
Только дѣти иногда.

Недолино.

Харьковъ.

Д Е Р Е В Н Я .

На пыльный небосклонъ лишь тучка набѣжитъ
И городъ влажною прохладою освѣжитъ,
И ближній садъ повеетъ ароматомъ,
И нивы дальніе заблещутъ лѣтнимъ златомъ,
Люблю припоминать пріютъ я тихой нѣги....

.....
Деревню добрую съ роскошными полями,
Съ рѣкою голубой, съ зелеными садами,
Съ малиной спѣлою, со сливой золотой
И локонъ барышни, природою завитой...

.....
Сливаются вдали нагъвы соловья
Съ журчаньемъ трепетнымъ кристальнаго ручья,
Склонились сводами плакучія березы:
Съ нихъ падаютъ въ рѣку росы вечерней слезы;
Со стадомъ молодымъ идетъ пастухъ къ рѣкѣ,
Играя весело на дѣдовскомъ рожкѣ;
Помѣщикъ, пожилой въ своемъ халатѣ давнемъ

Отъ мошекъ затворить приказываетъ ставни.
Люблю я отъ души тебя, уютный край,
Деревню добрую, лѣнивца свѣтлый рай!
Тамъ барышня свой станъ снуровкой не сжимаетъ,
Тамъ, удалясь она отъ тщетной суеты,
Свои наивныя — румяныя черты
Личиною жалкою бѣлизы не закрываетъ;
И барышня твоя прелестна и стройна,
Хоть въ платьѣ ситцовомъ красуется она...

Люблю въ деревнѣ я житье-бытье простое

И щочки полныя, и молоко густое.

Н. Щербина.

Харьковъ.

Л И С Ъ.

=

Que j'aime ces bois solitaires,
Aux bois se plaisent les amants.

GILBERT.

Хто дивчину любить, той любить и лись.
У лиси такъ темно, такъ тихо!
И я його дуже любивъ-то колись,
Та вже минавало те лихо!..

Дивчата у лиси зовсімъ не таки,
Якъ, часомъ, бувають у хати;
У лиси вони звичайненьки, плохи,
Не кажуть: *геть!* дивыться мати!

Идить же, дивчата, по ягоди въ лись,
Квиткы рвить, та пiснi спивайте;
А ты, мій козаче, туды наверхъ,
Да тамъ соби въ купи й гуляйте.

Я бачивъ, Маруся підъ гаємъшла,
Ажъ гулькь, їй на-зустрічъ козакъ молоденькій.
Вона вся згоріла, не знає й сама
Одъ чого, а винъ веселенькій.

Підходить до єй — за руки взялись,
Якъ ти голубы, цiлювались...
Шепнула Маруся: ходимо у лись!
Пiшли — и одъ мене сховались.

С. П.

Е. Гребенка.

ОТРОКЪ У РУЧЬЯ (*).

(Изъ Шиллера).

I.

У ручья веселый Отрокъ
Для вѣнка искалъ цвѣтовъ,
Но изъ рукъ ихъ вырывала
Ярость буйная валовъ.

Такъ летѣли дни и годы,
Беззаботный волнъ живыхъ;
Такъ моя увяла младость,
Какъ цвѣты вѣнковъ златыхъ.

II.

И съ надеждой и съ весельемъ
Все приветствуетъ весну!
Я одинъ на ширь природы
Съ тайной грустію гляжу;

Кликъ побѣдный обновленья
Больно ранить грудь мою,
И въ моемъ глубокомъ сердцѣ
Будить тяжкую тоску.

(*) Слова къ нотамъ Дрейшона.

III.

Что мнѣ радость всей природы?
Сердцемъ я стремлюсь къ *Одной*
Близкой, но всегда далекой,
Недоступной и Святой

Страстно руки простираю! . . .
Милый призракъ не идетъ! . . .
Ахъ, *Она* неуловима
И покоя сердцу нѣтъ!

IV.

О сойди жъ, души Царица!
Гордый свой оставь порогъ!
Изъ цвѣтовъ, весны любимцевъ,
Я создамъ тебѣ чертогъ . . .

Слышишь! Въ роуцѣ пѣсни льются! . .
Все въ весенней красотѣ! . .
Вѣрь, вездѣ довольно мѣста
Страстно любящей четѣ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

=

ПРОЗА.

1. Основаніе Харькова. Старинное преданіе. *Г. О. Основьяненко* 7.
2. Брюссель и Амстердамъ. *М. П. Погодина*. 89.
3. Горечь. Сцены изъ Драматическаго сочиненія *О. В. Корженевскаго*. 138.
4. Зюгря или Происхожденіе Зорницы. *В. Луганскаго* 186.
5. Мысли и замѣчанія. Изъ Дневника *Н—жды Ю. Васильковичевой* 198.
6. Воспоминанія изъ лучшихъ часовъ жизни для послѣднихъ. — Изъ Жанъ-Поля. — Переводъ *И. Бецкаго* 227.
7. Луна днемъ. (его же.) 245.
8. Изъ Записной книжки. *П. И. Лушки* (Псевд.) . . . 265.
9. Письмо о Петрѣ Великомъ. *Князя А. А. Шаховскаго* 271.
10. Поэтическіе Афоризмы и Отрывки изъ Жанъ-Поля. Перев. *Н—жды Ю. Васильковичевой* 312

СТИХОТВОРЕНІЯ.

- В. Бенедиктова*: Подражаніе Персидскому 110.
 Изъ *В. Г.* 269
И. Бороздны: Къ *Ч.* 193

<i>Н — лъи Ю. Васильковичевой:</i> Въ душѣ моей нѣтъ прежняго волненія	176.
Изъ Байрона	249.
<i>Ө. Н. Глинки:</i> Преступникъ. Быль	117.
Страница	270.
<i>Е. Гребенки:</i> Лисъ	341.
<i>Барона А. А. Дельвига:</i> Въ Альбомѣ <i>Е. П. Щер-</i> <i>бининой.</i>	105.
<i>В. Дьяченко:</i> Младенцу, (съ Польскаго.)	178.
<i>П. Кленова:</i> (Псевд.) Душно; городъ утомленный . .	83.
<i>А. Кронеберга:</i> Исторія моихъ слезъ	178.
Зачѣмъ вы такъ скупю, кровавыя слезы . .	186.
Изъ Гейне	330.
Сцены изъ Гамлета	210.
<i>Н. В. Кукольника:</i> Романъ Давида Рицціо	110.
Англійскій Романъ	297.
<i>А. Кульчицкаго:</i> Изъ Гете	85.
<i>Г. Лукашевича:</i> Не помяни меня ты зломъ	76.
<i>М. Майсурова:</i> Молитва	86.
<i>Князя П. Мещерскаго:</i> Жизнь и смерть при одрѣ стра- дальца	181.
<i>Недолина:</i> (Псевд.) Други, томительна жизнь одинокая .	78.
Взоромъ ласковымъ, красавица	177.
Князь Иванъ Петровичъ Шуйскій	259.
Вдохновенная	329.
Наточу я ножъ широкій	333.
Ахъ, ты солнышко	337.
Могила	339.
<i>Руэля:</i> (Псевд.) Три дара	251.
<i>С.</i> Элегія	194.
<i>В. Соколовскаго:</i> Нѣсколько строфъ изъ неизданной поэмы	120.
Сцена изъ Драматической поэмы	301.

<i>Н. Степанова:</i> Къ безукоризненной	111.
Смерть и погребеніе.	114.
<i>Н. Третьякова:</i> Негодованіе	299.
<i>А. Фета:</i> Горный ключъ.	116.
<i>К. Ц.:</i> Выздоровленіе моихъ дѣтей	257.
<i>А. Чужбинскаго:</i> (Псевд.) Зачѣмъ краснѣть и ангель- ской головкой	84.
<i>Княжны Е. Л. Шаховской:</i> Изъ поэмы: Основаніе Москвы	105.
Къ * * *	196.
<i>Князя А. А. Шаховскаго:</i> Къ * * *	134.
Хоръ Греческихъ пиратовъ	197.
Къ портрету Суворова	256.
. Третьяковскаго.	257.
<i>С. П. Шевырева:</i> Римскій форумъ	104.
Русская пѣсня въ Римѣ	191.
Въ Альбомѣ	268.
<i>Н. Щербины:</i> Запорожская мелодія XVII вѣка.	74.
Отецъ и дѣти, Русская Легенда	79.
Отчаяніе, Русская пѣсня	87.
Фонтенебло	175.
Русская колыбельная пѣсня	179.
Янинская тюрьма	183.
Про себя, (съ Чешскаго)	184.
Кручина добраго молодца	261.
Аттическая ночь	331.
Безталанье	334.
Донъ-Хуанъ	338.
Деревня	340.
<i>Я. Щоголева:</i> Мелодія	81.
Весна	336.

* * *	Джульетта Капулетти	249.
	Я не приду на праздник шумный . .	250.
	Уединение	252.
	Бывают дни недуги рокового	253.
	Даръ Прометея	254.

=

Отрокъ у ручья (изъ Шиллера), слова къ приложен- нымъ нотамъ	343.
---	------

=

Къ сему первому выпуску Молодика приложены портреты
Г. Θ Основьяненко, рисованный М. С. Башиловымъ, и ноты
Дрейшока.

к-157

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ
Іnv. № 170028

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА ХДУ
23.755

О П Е Ч А Т К И.

=

Напечатано:

Должно читать:

Стр. Строка

32 — 30	олтаремъ	алтаремъ
36 — 11	бѣжавшія	бѣжавшіе
43 — 21	пустились	пустились
46 — 2	чистоколомъ	честоколомъ
47 — 9	имѣющія	имѣющіе
48 — 6	ловили	ловилъ
— 24	жены	женъ
50 — 20	мученіе	мученія
— 26	закричали	закричала
— 27	бросилась	бросилась
51 — 16	утомилъ	утомилъ
54 — 20	съ веземъ	свеземъ
62 — 11	отправится	отправиться
— 16	съ многими	съ многими изъ
— 17	нѣкоторые	нѣкоторые
64 — 17	перейти	перейти
— 30	раззорить	разорить
66 — 19	нее	нея
69 — 22	несли	несло
73 — 4	дѣлились	дѣлилась
80 — 21	лице	лицъ
82 — 22	лилей	лилеей
94 — 16	рукомѣсленнаго	рукомесленнаго
95 — 8	отправляетя	отправляется
96 — 25	железныхъ	железныхъ
119 — 21	за чѣмъ	зачѣмъ
123 — 19	сіянны	сіянніи
132 — 17	глубами	глыбами
139 — 8	лошка	ложка
144 — 14	дивитись	дивитесь

ОПЕЧАТКА

Историческое

Историческое

Опеч.	Опеч.
38—30	Опеч.
38—11	Опеч.
38—21	Опеч.
38—2	Опеч.
38—0	Опеч.
38—6	Опеч.
38—21	Опеч.
38—30	Опеч.
38—38	Опеч.
38—37	Опеч.
38—10	Опеч.
38—20	Опеч.
38—11	Опеч.
38—10	Опеч.
38—17	Опеч.
38—17	Опеч.
38—30	Опеч.
38—10	Опеч.
38—22	Опеч.
38—4	Опеч.
38—21	Опеч.
38—22	Опеч.
38—10	Опеч.
38—05	Опеч.
38—22	Опеч.
38—21	Опеч.
38—10	Опеч.
38—17	Опеч.
38—2	Опеч.
38—12	Опеч.

62

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА ХДУ
Лист. № _____

спинка № 8